

Глава 12

Фэн Сюээй с явной неохотой вскинул бровь:

— Дешёвый отель?

Заметив случайного прохожего, он торопливо натянул пониже козырёк бейсболки, отступил в тень и глухо буркнул:

— Ладно, неважно. Пошли быстрее.

Когда прохожий скрылся из виду, Лянь Цзяньюэ шагнул вперёд, пытаясь перехватить ручку чемодана:

— Ты лицо публичное. Появишься в каком-нибудь кафе с таким баулом — мигом привлечёшь внимание. В уважаемых гостиницах тоже полно зевак. А здесь и улочки безлюдные, и сам мотель кажется заброшенным.

Фэн Сюээй не стал противиться, уступив ему багаж. Пристроившись рядом, он язвительно усмехнулся:

— На чемодане кодовый замок. Так что кати на здоровье, всё равно без меня не откроешь.

Лянь Цзяньюэ лишь покачал головой:

— Я вовсе не это имел в виду.

— О как! — картинно удивился Фэн Сюээй. — Неужели наш затворник, который знать не знает ничего, кроме наставлений своего учителя, теперь разбирается, кто популярен, а кто нет?

Лянь Цзяньюэ посмотрел на прочный пластиковый каркас чемодана.

— Твой наставник частенько заходил к нам и рассказывал о тебе, — ответил он вслух.

«Будь чемодан хотя бы тканевым, внутрь просачивался бы воздух, — тревожно думал Лянь Цзяньюэ. — Но этот жёсткий кейс, запёртый со всех сторон, абсолютно герметичен. Жив ли вообще Цюй Цзючуань в этой душной могиле?..»

Подавляя нарастающий страх, он прибавил шагу. Но у самых дверей мотеля его осенило. Он резко обернулся к Фэн Сюэю и в замешательстве спросил:

— Постой... Разве твой наставник — не Сяо Толо из труппы «Гнездо Феникса»? Он что... сгорел заживо?

Фэн Сюээй скользнул за широкий ствол камфорного дерева на обочине, забрал у него чемодан

и слегка подтолкнул парня к дверям:

— Шевелись, сними комнату! Я подожду твоего знака внизу. Будешь копать — этот твой Цюй Цзючуань точно испустит дух от нехватки воздуха!

Лянь Цзяньюэ послушно припустил бегом. Оформив на ресепшене самый простой номер, он схватил ключ-карту и взлетел по ступеням на нужный этаж. Ворвавшись в комнату, он первым делом распахнул окно и выдал птичью трель — один протяжный свист, один короткий, точь-в-точь как позывной большой синицы.

На улочке внизу Фэн Сювэй осторожно шагнул из тени деревьев. Поймав взгляд Лянь Цзяньюэ, он воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что улица пуста, скользнул в двери отеля.

Лянь Цзяньюэ приоткрыл дверь номера и стал ждать у порога. Через полминуты в коридоре показался Фэн Сювэй. Он ввалился в комнату с чемоданом, с глухим щелчком захлопнул за собой дверь и небрежно швырнул багаж на пол.

Лянь Цзяньюэ тут же опустился на колени перед замками:

— Код какой?

Фэн Сювэй ядовито усмехнулся:

— Да не дёргайся ты так. Дня два он там точно протянет, не помрёт.

— Этот ящик заперт наглухо, туда воздух вообще не поступает! — вскинулся Лянь Цзяньюэ.

Фэн Сювэй окинул Лянь Цзяньюэ изучающим взглядом. В его глазах мелькнула тень насмешки и лёгкого пренебрежения:

— Чего ты так печёшься о нём? Кем он тебе приходится? Он уверял, что вы виделись всего один-единственный раз.

С этими словами он вальяжно опустился на крышку чемодана.

— Советую говорить только правду. — Он постучал каблуком по пластику под собой. — Твой Цюй Цзючуань выложил всё как на духу: как вы встретились, где шатались, с кем виделись, что ели и лакали. Если твоя история разойдётся с его рассказами хотя бы в мелочах — пеняй на себя. Я раздену тебя догола и вздёрну под этим самым потолком. А твоего дружка искромсаю на куски и брошу в ванне. И оставлю любовную записку. Мол, вы были голубками, он требовал признаться во всём родне, а ты испугался позора, придушил его и свёл счёты с жизнью. Вот тогда твой хваленый наставник посмотрит, какую змею пригрел на груди!

Лянь Цзяньюэ безропотно вздохнул. Переминаясь с ноги на ногу у изножья широкой кровати, он не отрывал полного тревоги взгляда от проклятого серебристого чемодана:

— Спрашивай...

— Зачем ты вообще выбрал номер с одной большой кроватью? — подозрительно прищурился Фэн Сюэи.

Лянь Цзяньюэ посмотрел на него и устало присел на край постели:

— Теперь я понял. Это ведь фокусный сундук, так? У твоего старого учителя когда-то была цирковая труппа, и там выступал иллюзионист, который любил трюки с исчезновением.

Фэн Сюэи сердито пихнул его ногой, его красивое лицо исказилось от гнева:

— Да я с тринадцати лет живу в Пекине, где поступил в ученики к настоящему мастеру! Моим учителем был Юй Сюаньдун!

Лянь Цзяньюэ изумлённо вскинул голову:

— Тот самый мастер пекинской оперы, который таинственно сгорел в собственном доме?

Фэн Сюэи яростно сплюнул:

— Какое к чёрту самовозгорание! Его сожгли заживо, подонки!

— Откуда такие подробности? И если твой наставник действительно Юй Сюаньдун... то почему я отправлял посылку на имя Ю-второго?

Фэн Сюэи уже собрался было ответить, но вовремя прикусил язык. Его взгляд мгновенно заледенел, и он грозно зыркнул на Лянь Цзяньюэ:

— Твоя очередь спрашивать ещё не пришла!

Он высокомерно задрал подбородок и засыпал собеседника ворохом вопросов:

— Ну-ка отвечай: что именно ты отослал моему учителю? Зачем выдумал эту нелепую кличку? Обычному человеку такое заковыристое имя и в голову не придёт. Лянь Уцзэн — реальный человек? Кем он тебе приходится?

Лянь Цзяньюэ устало потёр виски и заговорил без утайки:

— Лянь Уцзэн — мой отец. Два дня назад он преставился в Каменной деревне, в Хэнани. Для погребения я нанял местного гробовщика, этого самого Цюй Цзючуаня. Мы кремировали тело в уединённом храме, и после сожжения в прахе обнаружились Семь Священных Реликвий. Перед смертью отец бредил и твердил, что от него останутся эти реликвии. Он оставил мне список из семи имён с адресами и велел разослать священные реликвии этим людям. Что я и сделал через ближайший пункт отправки.

— Твой отец умер, зачем тогда было указывать его имя в графе отправителя? А если бы посылку вернули? Она бы просто затерялась! И с какой стати ты вписал телефон этого гробовщика в контактные данные? — Глаза Фэн Сюэя снова хищно сузились. — Думай, прежде чем соврать. Перед тем как явиться сюда, я заскочил в усадьбу клана Бянь и прекрасно знаю, что ты уже обзавёлся собственным телефоном.

Лянь Цзяньюэ терпеливо объяснил:

— Отправка этих вещей была последней волей отца. Он наверняка близко знал тех людей. А если бы они получили посылку от какого-то незнакомца по имени Лянь Цзяньюэ, то, скорее всего, сочли бы это глупым розыгрышем и выбросили коробку. Что же до номера...

Он неловко почесал за ухом и с виноватым вздохом покосился на чемодан под задом Фэн Сюэя.

— Тут я действительно сглупил. Хотелось поскорее сбыть всё с рук и забыть как страшный сон. Было всё равно, дойдут бандероли или нет, вот и вписал первый попавшийся под руку телефон.

— Последнюю волю отца ты воспринял как досадную повинность? — Фэн Сюэй брезгливо наморщил нос. — И вообще, Лянь Уцзэн — твой отец. Ладно я зову его по имени, но ты-то почему повторяешь за мной?

Лянь Цзяньюэ безучастно хлопнул ресницами. Покопавшись в кармане, он достал только что купленный фруктовый мармелад, надорвал пачку и отправил пару ярких кружочков в рот:

— Какая разница? Мы оба понимаем, о ком речь. «Отец» или «Лянь Уцзэн» — это всего лишь имена, слова-заменители.

Фэн Сюэй презрительно фыркнул:

— Сразу видно, бездушный ты сухарь. Отец угас, а ты, поди, даже слезы ради приличия не выдавил.

Лянь Цзяньюэ поднял на него прямой, спокойный взгляд. Их глаза встретились. Несколько секунд они молча мерились силами, пока запал Фэн Сюэя окончательно не иссяк. Он первым отвернулся и досадливо отмахнулся:

— Да ну тебя. Проехали. «Ю-второй» — это уличная кличка моего учителя, Юй Сюаньдуна. В театральных кругах его так уже лет тридцать никто не величал.

Стоило ему произнести имя Юй Сюаньдуна, как голос его дрогнул и приглушённо хрипнул. Парень поник, опустив голову; длинные ресницы скрыли повлажневшие глаза, а кончик аккуратного носа покраснел. Лянь Цзяньюэ молча протянул ему мармелад. Эта забота лишь взбесила Фэн Сюэя — он резко оттолкнул его руку и огрызнулся:

— Какие ещё конфеты?! Тебе лишь бы брюхо набить, бесчувственный истукан!

Лянь Цзяньюэ бесшумно сполз на пол, устроившись поближе к собеседнику. Фэн Сюээй обиженно сопел носом и упорно смотрел в сторону, но внезапно заграбастал из протянутой пачки щедрую пригоршню сладостей. Отправив в рот разом штук шесть, он яростно заработал челюстями и лишь затем продолжил:

— Учитель всегда жил один. Ни жены, ни детей, только мы — его ученики. Мой дом совсем рядом, так что я навещал его дважды в день, справлялся о здоровье. И ключи у меня, конечно, были. В тот вечер я открыл калитку и сразу почуял неладное: в полной темноте двора раздавались звуки яростной борьбы. Шум шёл из жилых комнат. Я бросился туда и увидел, как из дверей выкатились две фигуры. Одна из них — неестественно вытянутый чёрный силуэт — буквально облепила учителя. Существо двигалось бесшумно, словно сама тень, от него не исходило ни тепла, ни дыхания. Учитель отчаянно прижимал к груди небольшую коробку, но явно уступал врагу в силе. В панике я выхватил хлыст, однако старик успел прокричать, чтобы я не совался. В тот же миг тварь вырвала коробку, вытащила из неё что-то мелкое, отшвырнула картонку и бросила в учителя сноп огня. Я кинулся сбивать пламя, но этот огонь...

Пальцы Фэн Сюээ сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки. В его голосе смешались недоумение и дикая злоба:

— Тот огонь был проклятым, нечеловеческим! Горел слабо, но вгрызался только в тело учителя. Рядом росла трава, цветы — пламя их даже не лизнуло! Зато жар от него шёл лютый. Ни дыма, ни копоти, но глаза резало так, что слезы застилали зрение. Я даже шага сделать не мог от ужаса... Так и стоял как вкопанный, пока учитель... горел заживо...

Он низко опустил голову, давясь беззвучными рыданиями:

— Потом приехала полиция. На пепелище я подобрал ту злосчастную коробку — это была обычная бандероль. Позвонил по номеру на бланке и попал на этого Цюй Цзючуаня. Но почерк на обёртке был слишком знаком — твоя рука, Лянь Цзяньюэ. Первым делом я разыскал этого пройдоху, прижал к стене, и он мигом признался, что посылку притащил ты. Тогда я и рванул к Бяням.

Немного переведя дух, он резко вскинул голову, швырнул остатки сладостей на пол и снова завёлся, злобно прикрикнув на Лянь Цзяньюэ:

— Но в усадьбе тебя не оказалось! Сразу понял, что ты, чёртов извращенец, где-то здесь развлекаешься!

— Давай сперва человека выпустим... — примирительно попросил Лянь Цзяньюэ.

Фэн Сюээй пропустил его слова мимо ушей, не сводя с него требовательного взгляда:

— Значит, в посылке для моего учителя лежала та самая священная реликвия?

Лянь Цзяньюэ кивнул:

— Судя по твоему рассказу, эта призрачная тень явилась именно за Священной Реликвией...

— Раз мой учитель удостоился чести попасть в список твоего отца, да ещё под своим старым прозвищем, они явно были близки в прошлом, — нахмурился Фэн Сюэяй. — Но я за столько лет ни разу не слышал от него имени Лянь Уцзэна. Я перетряс всех знакомых покойного. Только один старый костюмер смутно припомнил, будто слышал эту фамилию давным-давно. Обещал навести справки, но пока молчит. — Парень обхватил колени руками, посерьёзнев ещё больше. — Твой старик, перед тем как велеть разослать эти реликвии, хоть обмолвился, кто эти семеро? Друзья? Или заклятые враги?

— Когда я добрался до Каменной деревни, он уже едва дышал и упорно со мной не разговаривал, — признался Лянь Цзяньюэ. — Почти две недели мы провели в молчании, а потом он вдруг пришёл в себя, торопливо продиктовал волю и пустился в какой-то бред, похожий на лихорадочный сон. Я просил его замолчать и поберечь силы, но он упрямо пытался что-то объяснить, пока окончательно не испустил дух. Договорить так и не успел.

— Ты помнишь адреса остальных получателей? — тут же спросил Фэн Сюэяй.

— Помню. Если кто-то целенаправленно охотится за Священными Реликвиями, то все эти получатели сейчас на волосок от гибели. Надо предупредить их. — Лянь Цзяньюэ на мгновение задумался. — Одно странно: откуда этот убийца-тень узнал, куда ушли посылки? На почте я заполнял бланки сам, никого рядом не было. Отец шептал свои инструкции так тихо, что мне приходилось наклоняться к самым его губам. Неужели хозяин приёмного пункта в Каменной деревне зафиксировал адреса?

Лянь Цзяньюэ попытался вспомнить владельца деревенской лавки, который принимал у него коробки. Обычный, простодушный мужичок, каких пруд пруди. Вряд ли этот добродушный торговец владел какими-то тайными смертоносными техниками.

Фэн Сюэяй пнул носком чемодан:

— А этот хмырь?

Лянь Цзяньюэ качнул головой. Цюй Цзючуань отпадал сразу.

Фэн Сюэяй язвительно сощурился:

— Откуда такая уверенность? Ты ведь о его прошлом и происхождении вообще ничего не знаешь.

— Я слабее его в бою, — терпеливо ответил Лянь Цзяньюэ. — Будь у него корыстный интерес к реликвиям, он бы отобрал их силой ещё в деревне.

— Значит, поедem на тот приёмный пункт. Пиши адрес, — скомандовал Фэн Сюэяй.

— Монах тоже в опасности... — задумчиво протянул Лянь Цзяньюэ.

— Какой ещё монах?

Фэн Сюээй требовательно уставился на него. Хотя парень и хорохорился, уверяя, будто Цюй Цзючуань выдал всё подчистую, Лянь Цзяньюэ сильно сомневался, что гробовщик решился упомянуть их безумные приключения в Храме Разрешения Мирских Уз. Слишком уж невероятными казались те события — расскажи их первому встречному, тот лишь у виска покрутит. Чтобы избежать лишней путаницы и не навлекать на себя гнев этой живой пороховой бочки, Лянь Цзяньюэ ответил уклончиво:

— Одну из реликвий я оставил в горной обители неподалёку от Каменной деревни, передал местному монаху.

Лянь Цзяньюэ виновато добавил:

— В случившемся есть и моя вина. Кто же знал, что простая посылка обернётся трагедией... Давай сделаем так: я сейчас позвоню шинян, предупрежу её, и мы вместе двинемся в Каменную деревню.

— Да какой от тебя толк? — ядовито бросил Фэн Сюээй. — Пройдёшь три шага — и уже хрипишь, кровью харкаешь. Не хватало ещё, чтобы ты испустил дух в пути, а твой грозный наставник потом явился мстить за любимого ученика!

— Исключено, — твёрдо отрезал Лянь Цзяньюэ. — Если получатели пострадают из-за моей беспечности, я себе этого не прощу. Я обязан поехать.

С этими словами он подошёл к прикроватной тумбочке и взял телефон:

— Я помню все номера наизусть. Попробую набрать их, узнаю, как дела.

Первые три номера оказались несуществующими. Из оставшихся двух один безответно гудел, зато на втором наконец сняли трубку. Лянь Цзяньюэ поспешно выдохнул в динамик:

— Алло! Это дом Ли Чуоюэ? Могу я услышать господина Ли?

На том конце провода глухо буркнули:

— Ли Чуоюэ умер тридцать лет назад.

И связь оборвалась.

Лянь Цзяньюэ попытался набрать номер снова, чтобы хоть что-то выяснить насчёт бандероли, но в трубке раздавались лишь монотонные короткие гудки. Линию заблокировали. Он тяжело опустил на край матраса, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

Фэн Сюээй тем временем поднялся и с сухим щелчком отпер замки. Откинув крышку, он

запустил руку внутрь и бесцеремонно выудил оттуда человека, буквально сложенного вдвое. Это был измождённый, скрюченный Цюй Цзючуань.

Лянь Цзяньюэ лишился дара речи. Рот несчастного был заклеен широким скотчем, руки туго стянуты за спиной верёвкой, а в глазах стояли слёзы. Живой-то он был живой, но зрелище представлял поистине жалкое.

Цюй Цзючуань обессиленно извивался на покрывале, пытаясь расправить затёкшее тело. Лянь Цзяньюэ бросился к нему на помощь.

Обшарив ванную, он раздобыл одноразовый бритвенный станок. Он осторожно перерезал жёсткие верёвки на запястьях парня и резким движением сорвал липкую ленту с его рта. Едва путы ослабли, в глазах Цюй Цзючуаня вспыхнула дикая ярость. Заметив, что тот готов броситься на мучителя, Лянь Цзяньюэ удержал его за плечи и торопливо шепнул на ухо:

— Остынь. Тебе против него не выстоять.

Тут Лянь Цзяньюэ заметил, что мочки ушей Цюй Цзючуаня сплошь покрыты запёкшейся кровью — из них с корнем вырвали все серьги. Догадка мгновенно подтвердилась: Фэн Сюээй отобрал у него Бусины Девяти Изгибов. Цюй Цзючуань дорожил этим артефактом больше жизни, и неудивительно, что он отчаянно сопротивлялся, за что и поплатился.

Цюй Цзючуань, видимо, тоже пришёл к выводу, что благоразумие сейчас важнее гордости. Он сник и остался сидеть на постели, угрюмо опустив голову. Заметив оставленный на покрывале мармелад, парень без лишних слов придвинул упаковку к себе и принялся молча, одну за другой, закидывать сладости в рот. Лянь Цзяньюэ протянул ему бутылку минеральной воды, а сам набрал номер усадьбы клана Бянь. Он коротко сообщил шинянь, что по важным делам вынужден срочно уехать обратно в Каменную деревню. Та не стала донимать расспросами. После этого Лянь Цзяньюэ созвонился со вторым шисюном, Чжао Ючжи, и долго перед ним извинялся — изготовление заказанного седла теперь неизбежно задерживалось.

Чжао Ючжи добродушно отозвался на том конце провода:

— Да брось ты, пустяки. Занимайся своими делами, не переживай. Если старшая шицзе начнёт сердиться, я приму удар на себя.

Лянь Цзяньюэ трижды пытался набрать номер Бянь Шичжэнь, но шли лишь длинные гудки. Фэн Сюээй раздражённо зашагал по комнате:

— Тебе обязательно перед каждым шагом докладывать всей округе? Время не ждёт, шевелись!

Лянь Цзяньюэ поднялся на ноги и сочувственно взглянул на притихшего спутника:

— Пойдём. Вернём тебя домой, в Каменную деревню.

Цюй Цзючуань прикончил мармелад, похлопал ладонью о ладонь и, цепляясь за спинку кровати, неуверенно поднялся на ноги. Его колени ходили ходуном от долгого пребывания в тисках чемодана:

— Слышь, Фэн! — с затаённой тревогой выкрикнул он. — Ты меня там калекой не сделал? Ноги вообще не слушаются!

Фэн Сюээй пренебрежительно фыркнул:

— Кости срастаются за сто дней, а суставы после вправления просто затекли. Походи немного, мигом всё пройдёт.

Цюй Цзючуань стиснул зубы, пряча ярость за напускным безразличием. Он упрямо сделал шаг вперёд, но тут же покачнулся и едва не завалился набок. Благо Лянь Цзяньюэ вовремя успел подставить плечо.

Вцепившись в руку спасителя, Цюй Цзючуань тихо пробормотал:

— Я слышал ваш разговор через вентиляцию. Старик Чжан, который держит лавку в деревне, — самый заурядный торгаш. Не верю, что он замешан. Тут действительно кроется какая-то чертовщина.

Он искоса глянул на Фэн Сюэя и уже более мирным тоном произнёс:

— Спорить не стану, ты боец куда лучше меня. Но те Бусины Девяти Изгибов — моё фамильное сокровище. Если я помогу тебе отыскать убийцу твоего наставника, ты вернёшь мне похищенное?

Фэн Сюээй окинул его оценивающим взглядом с головы до пят и небрежно бросил:

— Лишний помощник в пути не повредит. Это всяко лучше, чем тащить с собой бесполезный балласт.

Цюй Цзючуань покосился на стоявшего рядом Лянь Цзяньюэ и протянул Фэн Сюэю ладонь для рукопожатия:

— Зря ты о нём так отзываешься. Брат Лянь однажды спас мне жизнь, в серьёзном деле он надёжный человек.

Фэн Сюээй снисходительно хмыкнул, мимолётно сжал его ладонь и резко развернулся к выходу:

— Жду вас на улице. Не задерживайтесь.

Дверь за ним бесшумно закрылась.

Лянь Цзяньюэ бережно довёл пошатывающегося Цюй Цзючуаня до порога. Тот не утерпел и

шёпотом поинтересовался:

— Похоже, вы с ним сто лет знакомы. Как тебя угораздило перейти дорогу этому огненному павлину?

— Огненному павлину?

— Ну да. Сам посмотри, какой он из себя — ухоженный, смазливый.

Лянь Цзяньюэ молча кивнул в знак согласия.

— Вот только характер у него взрывной, точно пороховая бочка!

Лянь Цзяньюэ невольно улыбнулся. Забрав из гнезда ключ-карту, он открыл дверь номера:

— Сам не уверен. Наверное, он обиделся, что я не ответил на его письма. А когда он поднялся ко мне в горы, нас не оказалось на месте. Вот он теперь и мечет громы и молнии.

Пока они шли по коридору гостиницы, Лянь Цзяньюэ вполголоса предостерегал Цюй Цзючуаня:

— Он на редкость прямодушен и упрям. Каждое слово воспринимает буквально, терпеть не может лжи и фальши, а шуток и вовсе не признаёт. Зато сам всегда держит слово. Драться он умеет превосходно, страха не знает, и никакие законы ему не писаны. К счастью, парень он неплохой и глупостей не совершает, иначе ни один полицейский в мире его бы не поймал, и ни одна тюрьма не удержала бы. Скажу честно: даже если соберётся десяток таких, как ты, он уложит всех одной левой. Так что старайся во всём ему потакать и не вздумай шутить. Он ведь шутить не умеет — если пообещал вздёрнуть меня, а тебя пустить на фарш, то так и сделает.

Цюй Цзючуань пренебрежительно усмехнулся:

— Ну ты и сгустил краски! По-моему, он просто нагоняет жути ради важности.

Лянь Цзяньюэ вздохнул:

— Тогда постарайся вспомнить: что он сказал тебе перед тем, как сложить в чемодан?

— Да он сразу с кулаками набросился, стоило мне дверь открыть! Сказал, мол, пошли со мной. А я возьми и ляпни: «Если кишка не тонка — запакуй меня в коробку и неси, а иначе Цюй Цзючуань сам решает, куда ему топать!» Тот лишь ухмыльнулся: «Договорились. Сам напросился».

Они переглянулись. Цюй Цзючуань тяжело сглотнул и умолк.

Спустившись в холл, Лянь Цзяньюэ сдал ключ-карту. Они воссоединились с Фэн Сювэем на улице и всей компанией поспешили в сторону железнодорожного вокзала.

<http://bllate.org/book/19697/1996237>